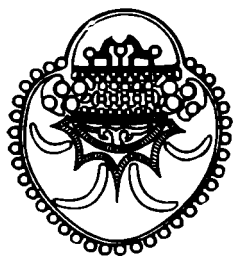

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 3

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА — 1959

Ю. А. ЗАДНЕПРОВСКИЙ

АШКАЛ-ТЕПЕ — НОВЫЙ ПАМЯТНИК ЧУСТСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ФЕРГАНЕ

В последние годы особое внимание археологов, изучающих культуру бронзового века Средней Азии, привлекли раскопки на Чустском поселении в Северной Фергане¹. Этот памятник дал чрезвычайно интересные материалы, свидетельствующие о существовании в Ферганской долине крупного центра культур крашеной керамики эпохи бронзы. Вслед за Чустским поселением, начиная с 1954 г., развернулись исследования второго поселения чустского типа — Дальверзинского, расположенного в восточной части Ферганской долины². В 1957 г. Андижанский краеведческий музей провел небольшие раскопки на Заргулдак-Тепе — третьем поселении бронзового века, находящемся в Юго-Восточной Фергане³. Помимо раскопочных работ, проводятся регистрация случайных находок и поиски новых памятников.

В 1957 г. автором, благодаря содействию местных жителей, было обнаружено еще одно поселение эпохи бронзы — Ашкал-Тепе, в 5—6 км к северо-востоку от Дальверзина⁴. Оно занимает возвышенный участок (холм) первой надпойменной террасы левого берега р. Кара-Дарья площадью около 400 × 320 м и вытянуто с севера на юг. Северный и западный края поселения проходят по обрывистому берегу реки, возвышающемуся над уровнем воды и поймы примерно на 5—6 м. Очень четко прослеживается восточный край, совпадающий с естественной границей холма. Границы поселения с южной и юго-западной сторон трудно определить вследствие запашки под хлопок и застройки этого участка (рис. 1). Берег здесь образует небольшой мыс, к югу и востоку от которого расположена болотистая низина. Восточнее Ашкал-Тепе р. Кара-Дарья широко разливается на несколько потоков и становится мелководной. На противоположном, правом, берегу Кара-Дарья к ее пойме вплотную подходят отроги горного хребта Кара-Кия-Кыр.

По своему местоположению на берегу большой реки поселение Ашкал-Тепе несколько отличается от поселений Чуста и Дальверзина, расположенных на значительном расстоянии от реки. Но по существу все эти поселения находятся в одинаковых природных условиях — на низких террасах среди болотных низин.

Поселение сильно разрушено: почти вся его площадь занята современным кладбищем, в северо-восточном углу находятся современные обжигательные печи, а в северной части холма проходит дорога. Все это сильно затруднит проведение здесь больших раскопок. Несмотря на разрушения, на поверхности поселения встречено очень мало находок. Только на северо-

¹ М. Э. Воронцов. Археологическая рекогносцировка 1950 года по Наманганской области. ИАН УзССР, 1951, № 5, стр. 93—97; его же. Археологические исследования Института истории и археологии и Музея истории Академии наук УзССР на территории Ферганы в 1950—1951 годах. Тр. Музея истории УзССР, т. II, 1954, стр. 53—58; В. И. Спришевский. Чустская стоянка эпохи бронзы. (Раскопки 1953 года). СЭ, 1954, № 3, стр. 69—76; его же. Чустское поселение эпохи бронзы. (Из раскопок 1954 г.). КСИИМК, вып. 69, 1957, стр. 40—49; его же. Раскопки Чустского поселения эпохи бронзы в 1955 г. ИАН УзССР, серия обществ. наук, 1957, № 1, стр. 65—72; его же. Чустское поселение эпохи бронзы. (Раскопки 1955 г.). КСИИМК, вып. 71, 1958, стр. 86—98; его же. Раскопки Чустского поселения эпохи бронзы в 1957 г. ИАН УзССР, серия обществ. наук, 1958, № 6, стр. 69—71.

² Ю. А. Заднепровский. Дальверзинское селище. КСИИМК, вып. 69, 1957, стр. 50—57.

³ Об открытии поселений Заргулдак-Тепе и Шор-Тепе см. В. И. Козенкова. Археологические работы Андижанского областного краеведческого музея в 1956 г. СА, 1957, № 4, стр. 295.

⁴ Работа велась Ферганским отрядом Узбекстанской археологической экспедиции (начальник Я. Г. Гулямов)

западном склоне холма удалось собрать некоторое количество керамики. Здесь, в обресе, над мощным галечным пластом материкового грунта виден культурный слой с зольными прослойками, обломками костей животных и глиняной посуды.

По своему местоположению, внешнему виду, размерам и характеру культурных напластований Ашкал-Тепе сходно с Дальверзином и Чустом. Керамика, собранная на поверхности поселения, по своей фактуре, способу изготовления, формам и орнаментации совершенно аналогична чустской. Здесь найдены обломки посуды с красной облицовкой и с расписным орнаментом, исполненным черной краской, а также образцы кухонной посуды. Различается посуда с плоским дном и на поддоне.

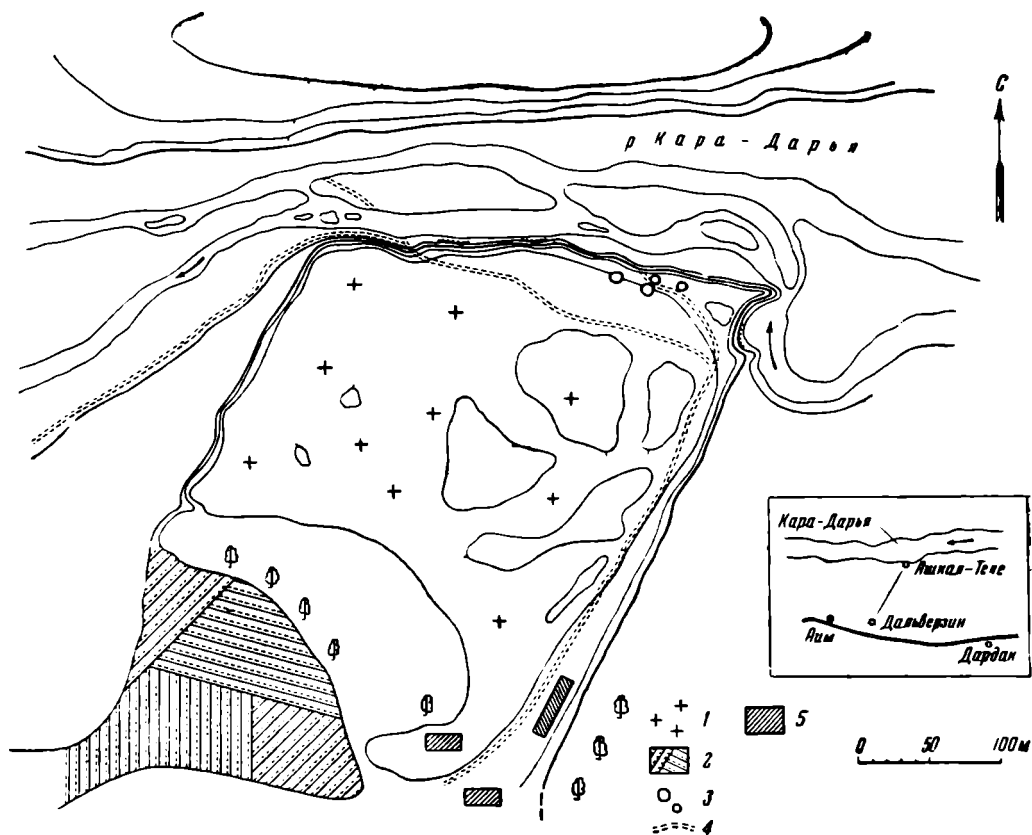

Рис. 1. План поселения Ашкал-Тепе

1 — современное кладбище; 2 — хлопковое поле; 3 — современные обжигательные печи;
4 — дорога; 5 — современные постройки

На Ашкал-Тепе собрано более 20 фрагментов с росписью, среди которых имеются оригинальные образцы. Наибольший интерес представляет богато и сложно орнаментированная глубокая чаша (диаметр горловины — 20 см). Орнамент ее состоит из вертикальных полос, заштрихованных сеткой, чередующихся с рядом узких клиньев, свисающих вершинами вниз, а также с вертикальными полосами, составленными из треугольников, образующих ромбовидные просветы (рис. 2, 1). На обломке нижней части одного из сосудов изображена окаймленная прямыми линиями цепочка ромбов, заштрихованных сеткой (рис. 2, 9). На других фрагментах встречаются треугольники, заштрихованные сеткой, ряды узких клиньев и другие элементы, типичные для керамики чустской культуры. Кухонная посуда представлена обломками сосудов с шаровидным туловом и низким широким горлом (рис. 2, 12).

Приведенные материалы дают основание отнести Ашкал-Тепе к числу поселений чустской культуры.

Нахождение второго большого поселения (площадью около 13 га) на столь близком расстоянии от Дальверзина и в одинаковых с ним условиях заставляет поставить вопрос о природной среде, окружавшей эти поселения в эпоху бронзы, и в частности — вопрос о том, существовал ли в то время болотистый ландшафт, характерный для настоящего времени⁵. На

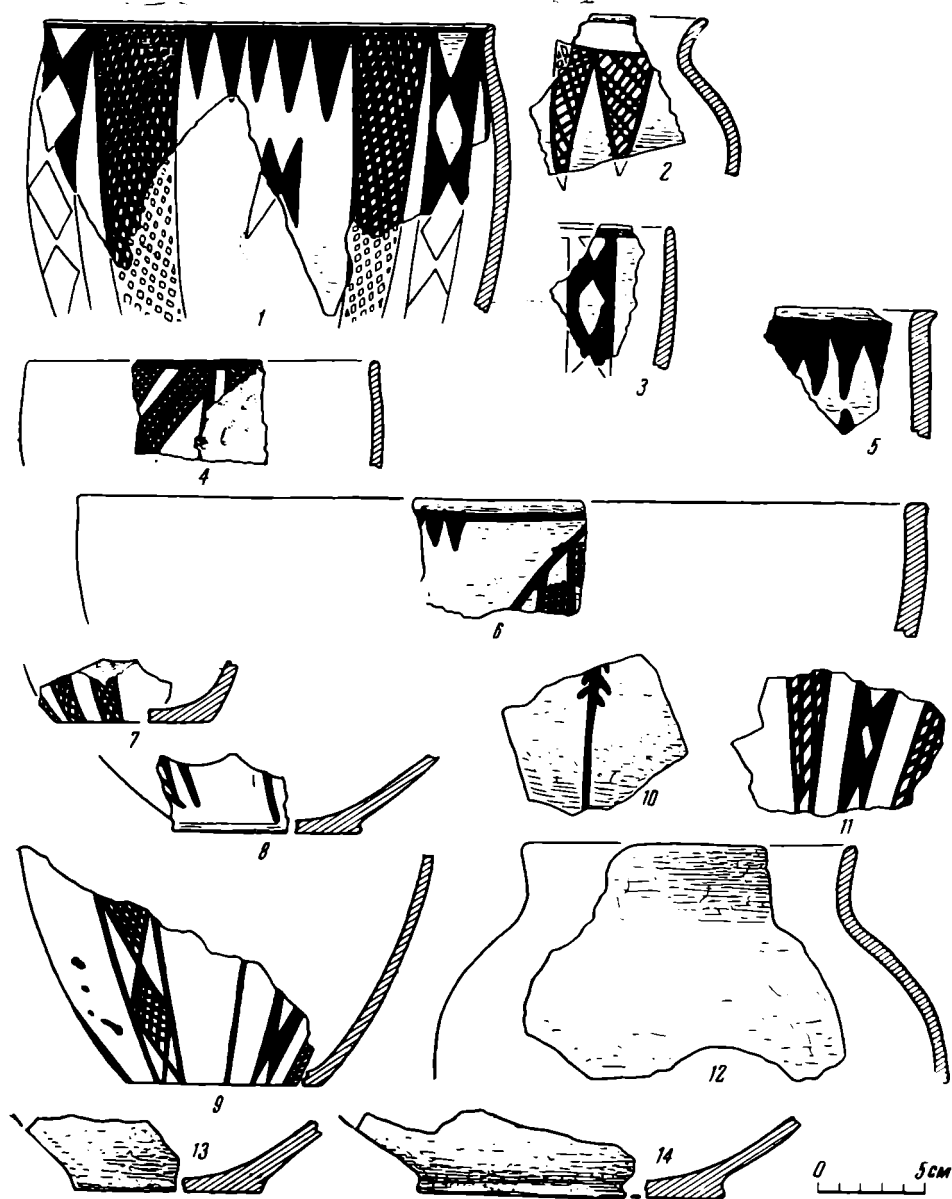

Рис. 2. Керамика поселения Ашкал-Тепе

1—11 — расписная керамика; 12—14 — керамика без росписи

большом участке первой надпойменной террасы на левобережье Кара-Дарьи к северу и к востоку от Аима, кроме двух рассматриваемых поселений эпохи бронзы, не обнаружено памятников других эпох. Памятники более позднего периода (тепе и городища с красноангобирванной керамикой последних веков до нашей эры и первых веков нашей эры, а также средневековые поселения) находятся значительно южнее, на более воз-

⁵ О развитии примитивного земледелия на заболоченных участках поймы см. Б. А. Латынин. Вопросы истории ирригации древней Ферганы. КСИИМК, вып. 64, 1956, стр. 18.

вышенных местах — в начале второй надпойменной террасы, севернее с. Курган-Тюбе и в с. Дардак. Следовательно, можно полагать, что условия жизни в районе Дальверзина были благоприятными именно в эпоху бронзы. Показательно в этом отношении также отсутствие следов более позднего заселения и Дальверзина, и Ашкал-Тепе, жизнь на которых, очевидно, одновременно прекратилась примерно в VIII—VII вв. до н. э. и позже не возобновлялась. Аналогичная картина засвидетельствована и на Чустском поселении⁶. Можно предполагать, что изменения физико-географической среды, которые привели к усилению заболачивания этого района, вследствие чего земледелие здесь стало невозможным, произошли в конце существования поселений чустской культуры, в первой четверти I тысячелетия до н. э.

Изменение топографии поселений Аимского района в последующие периоды, однако, может быть объяснено не только изменением природных условий. В этом процессе, очевидно, определяющее значение имело изменение форм хозяйственной деятельности населения в связи с переходом на грани бронзового и железного веков к более развитым формам ирригационного земледелия.

С обнаружением Ашкал-Тепе расширяется круг известных в Фергане поселений культуры расписной керамики бронзового века. Всего в настоящее время в Ферганской долине зарегистрировано 18 памятников чустской культуры: десять поселений (Чуст, Дальверзин, Ашкал-Тепе, Шор-Тепе и Заргулдак-Тепе, Тергаучи, Гурмирон, Яз-Тепе, и Тюря-Курган, а также Чакан на трассе БФК) и восемь отдельных мест находок керамики в разных пунктах долины. Памятники этой культуры встречаются в северной, южной и восточной частях долины. Но большинство известных сейчас памятников находится в восточной части Ферганской долины, где расположены пять поселений и четыре пункта находок керамики. Такая концентрация поселений и отдельных находок культуры расписной керамики в Восточной Фергане позволяет предполагать там значительное развитие земледельческой культуры бронзового века. Вполне возможно, что здесь в силу особых благоприятных физико-географических условий сложился в бронзовом веке крупный центр оседло-земледельческого населения Ферганы, создателей чустской культуры.

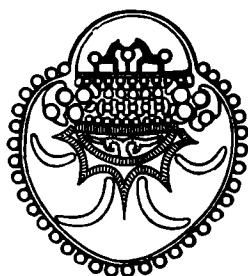
Находки керамики чустского типа в Узгене и Дунбулаке, в Кара-Дарьинском оазисе и в Шалтаке свидетельствуют о проникновении земледельческой культуры эпохи бронзы в районы, входящие ныне в состав Южной Киргизии. Сосредоточение памятников чустской культуры на востоке Ферганской долины, очевидно, не случайно и, может быть, находит объяснение в существовании связей между населением Ферганы бронзового века и населением соседнего Синьцзяня (Китай)⁷. Однако оснований для утверждения о китайском происхождении чустской культуры (от культуры яншао) равно как и о непосредственной преемственности от культуры Анау в Южном Туркменистане, у нас нет. Наоборот, имеющиеся материалы позволяют говорить о своеобразии чустской культуры и об определенной самобытности ферганского очага культур крашеной керамики.

⁶ Исключение составляет стратиграфическая картина, обнаруженная на 13 участке БФК, где возле с. Чакан были вскрыты остатки поселения с культурой чустского типа. В нижних слоях его находилась керамика чустского облика, а в верхних слоях — керамика с красным ангобом времени рубежа нашей эры. См. Т. Г. Оболдуев. Отчет о работе первого отряда археологической экспедиции на строительстве БФК. Тр. Института истории и археологии АН УзССР, т. IV, 1951, стр. 32—33.

⁷ О связях чустской культуры с Синьцзянем и о значении их см. «История Киргизии», т. I, Фрунзе, 1956, стр. 30; С. В. Киселев. Исследование бронзового века на территории СССР за 40 лет. СА, 1957, № 4, стр. 39—40; В. М. Массон. Изучение энеолита и бронзового века Средней Азии. СА, 1957, № 4, стр. 53.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ

№ 3

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА — 1960

ГОРОДИЩЕ ЭЙЛАТАН

(К вопросу о датировке памятника)

Городище Шаари-Хайбер у сел. Эйлатан было открыто Б. А. Латыниным во время разведки в Уч-Курганской степи в 1933 г.¹ На следующий год под его руководством здесь были проведены небольшие раскопки². В раскопе найдена лепная посуда, покрытая красновато-бурой краской, которая своим архаическим обликом выделялась среди разнообразной керамики, собранной во время работ экспедиции 1933—1934 гг. в разных пунктах Ферганской долины. Изучение ее привело Б. А. Латынина к заключению о сходстве керамики Эйлатана с материалами культур Анау и, в частности, Анау I. На этом основании исследователь датировал керамический комплекс Эйлатана концом III—II тысячелетием до н. э. Характеристика и датировка, данные Б. А. Латыниным архаической керамике и соответствующему периоду истории Ферганы, были приняты в нашей литературе и послужили одним из источников для широких построений и заключений о распространении на большей части территории Средней Азии культуры крашеной керамики анауского типа (С. П. Толстов, 1938 г.)³.

В начале 30-х годов XX в., когда археологическое изучение Средней Азии делало еще первые шаги, выделение эйлатанского типа керамики как одного из ранних для Ферганской долины явилось большой заслугой Б. А. Латынина. Его работы положили начало изучению культуры крашеной керамики древней Ферганы.

Дальнейшие археологические исследования привели к уточнению и изменению сложившихся представлений о характере и времени эйлатанской керамики и архаического периода Ферганы в целом. Это произошло в основном в результате осуществления в 1952 г. повторных раскопок на городище Эйлатан Памиро-Ферганской комплексной экспедицией. Раскопки вел автор этой статьи под общим руководством А. Н. Бернштама⁴.

Городище Эйлатан расположено в восточной части Ферганской долины (в междуречье Нарына и Кара-Дарьи), в 1,5 км на юго-восток от ж.-д. ст. Хакулабад. Огромное по своим размерам, с двойным обводом стен, городище имеет неправильную четырехугольную форму и вытянуто в широтном направлении (рис. 1). В древности заселена была только не-

¹ Б. А. Латынин. Работы в районе проектируемой электростанции на р. Нарыне в Фергане. ИГАИМК, вып. 110, 1935.

² См. отчет Б. А. Латынина в архиве ЛОИА АН СССР, дело № 220 и 221 за 1934 г. Площадь раскопа составляла 42 м². Коллекция хранится в Отделе истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа.

³ С. П. Толстов. Основные вопросы древней истории Средней Азии. ВДИ, 1938, № 1, стр. 181.

⁴ Работы проводились совместно с Наманганским областным краеведческим музеем. Материалы раскопок использованы в кандидатской диссертации автора на тему «Древняя Фергана» (1954 г.). Основные выводы опубликованы в автореферате. См. Ю. А. Заднепровский. Древняя Фергана. Автореферат канд. дис. Л., 1954.

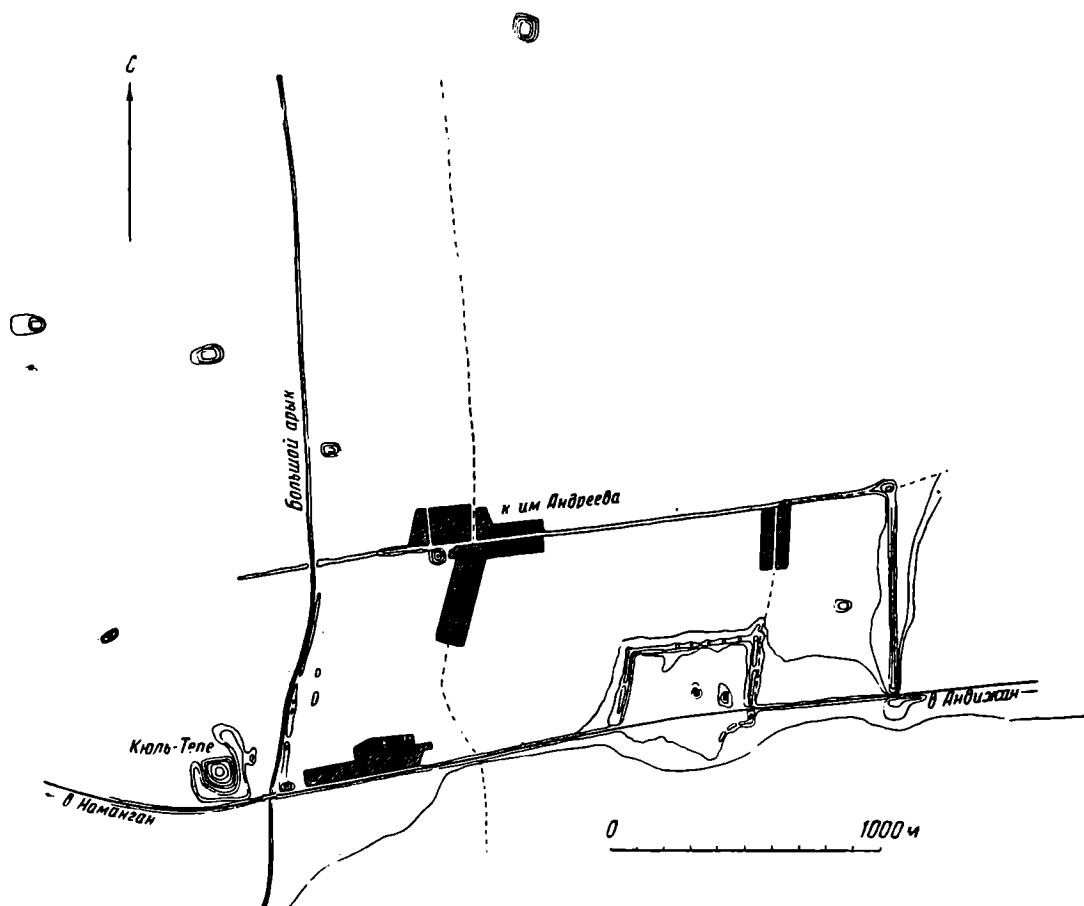

Рис. 1. Общий план городища Эйлатан с прилежащими к нему стенами и отдельно стоящими тепе

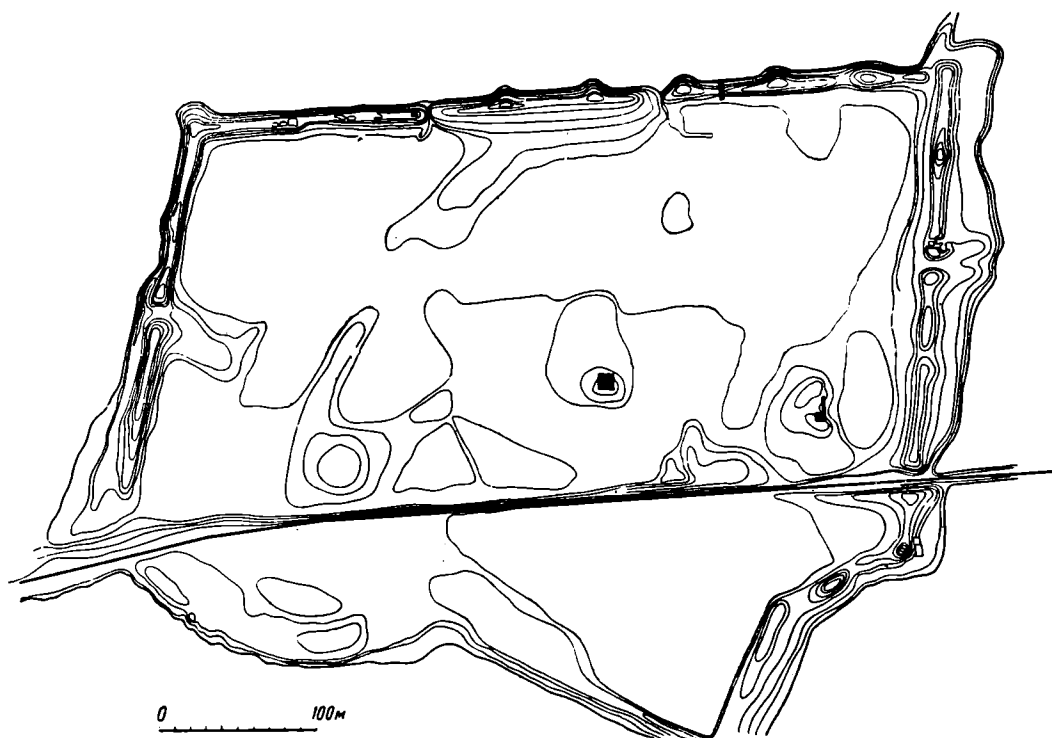

Рис. 2. План внутреннего городища Эйлатан

большая часть городища, окруженная первыми (внутренними) стенами. Стены сохранились в виде валов, которые достигают в некоторых местах четырехметровой высоты. На расстоянии 55—60 м друг от друга на валах расположены возвышения, представляющие собой, по-видимому, остатки башен (рис. 2). Внутреннее городище в южной части перерезано полотном железной дороги. Юго-западная и южная части внутреннего городища сильно разрушены и в настоящее время заняты современными постройками, бахчами и лесопитомником. С южной стороны к городищу примыкают заболоченные низины, поросшие камышом; со всех других сторон оно окружено хлопковыми полями. На расстоянии около 500 м от первой линии валов проходит второй (внешний) вал, на котором в 1933—1934 гг. Б. А. Латынин еще видел остатки башен, располагавшихся соответственно башням на внутреннем валу. Направление обоих валов полностью совпадает. Длина сохранившейся части северного отрезка внешнего вала более 2200 м, восточного — около 900 м. С южной и западной сторон второй вал не сохранился. Площадь, охваченная внешним валом, огромна и равняется примерно 200 га. Внутреннее городище, площадью около 20 га, составляет небольшую часть всего городища.

На поверхности внутреннего городища разбросано несколько низких холмов. На двух таких холмах в 1952 г. были заложены раскопы. Раскоп I (площадью 75 м²) в юго-восточной части городища не был доведен до конца. Не завершены также работы в траншее на северном валу, поставленные для выяснения конструкции вала. Основные работы были сосредоточены на раскопе II (площадью 204 м²) в центре городища на холме (высотой 0,85 м). Культурный слой раскопа II, толщиной 1,2—1,4 м, залегал частично ниже современной дневной поверхности.

В раскопе выявлено три горизонта культурного слоя. Верхний, разрушенный (толщиной 0,2—0,4 м), содержал отдельные скопления культурных остатков. Наряду с «архаической» керамикой здесь оказались обломки грубой, маловыразительной посуды, которую обычно относят к ранне-средневековому периоду.

Следующий горизонт (толщиной 0,4—1 м), состоявший из лёссовидного суглинка более темного цвета с зольными скоплениями, костями животных и керамикой, перекрывал нижний слой. В нижнем слое, на глубине 1—1,4 м, расчищены части стен глинобитной постройки, все пространство между которыми было заполнено культурными остатками и очажными пятнами. Последовательность и общий характер культурных напластований, выявленные в раскопе 1952 г., полностью повторяют то, что было отмечено Б. А. Латыниным в 1934 г.⁵

Наибольший интерес представляли остатки жилой постройки, стены которой легко выделялись в рыхлом культурном слое благодаря своей твердости и отличию в цвете (рис. 3). Особенно четко они видны в северном и восточном обрезах раскопа. От постройки сохранились две параллельные стены высотой до 0,5 м, длиной более 1 м и шириной 0,8—0,9 м. Они пересекли раскоп по направлению с северо-запада на юго-восток. Расстояние между стенами равно 3 м. От этих стен отходят под прямым углом отрезки стен на северо-восток и на юго-запад. Расстояние между двумя последними стенами также равно 3 м. Полностью планировку этой постройки (выходящей за границы раскопа) не удалось установить. Однако, судя по работам 1952 г., можно говорить о существовании на Эйлатанском городище наземных построек с длинными и узкими комнатами.

Три горизонта культурного слоя содержали в основном однородный керамический материал, в котором преобладали находки «архаической» крашеной керамики. Только в верхней части оказалось небольшое количество грубой толстостенной посуды, относящейся, по всей вероятности, к раннему средневековью. На поверхности городища и в раскопе совершенно

⁵ См. отчет Б. А. Латынина в архиве ЛОИА АН СССР.

отсутствует поливная и иная средневековая керамика. Никаких строительных остатков в верхнем слое раскопа и на поверхности городища, которые можно было бы связывать с раннесредневековой посудой, не обнаружено как в 1952 г., так и ранее, в 1934 г. Принимая во внимание однородность комплекса керамики и наличие строительных остатков только в нижнем слое, можно считать Эйлатан в основе однослойным поселением. Дополнительные данные в пользу этого предположения дает рассмотрение планировки самого городища.

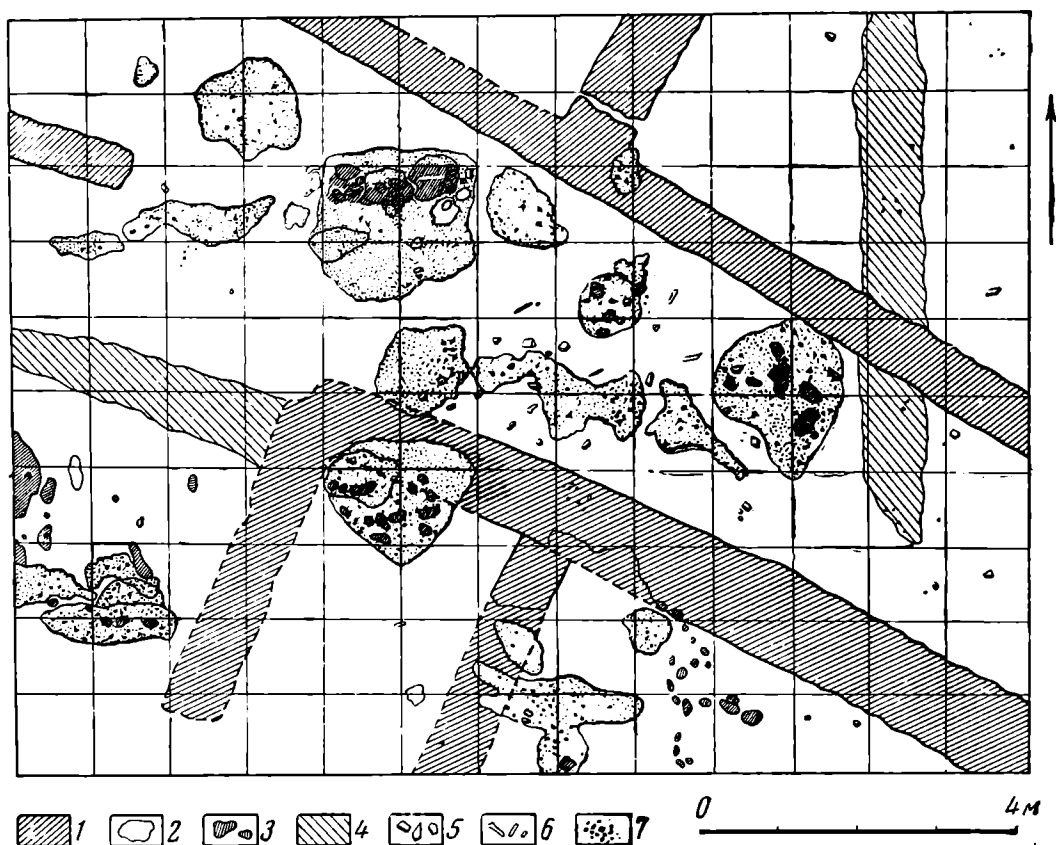

Рис. 3. Нижний слой раскопа 1952 г.

1 — стена; 2 — зольные пятна; 3 — обожженный лёсс; 4 — метаморфизованный лёсс; 5 — черепки сосудов; 6 — кости; 7 — уголь

Городище Эйлатан состоит из двух частей: укрепленного бесцитадельного поселения с постоянными наземными постройками и большого незастроенного участка между внутренним и внешним валами, который, по всей вероятности, мог быть использован как загон для скота. Такая планировка поселения и огромные размеры его выделяют Эйлатан среди всех известных памятников Ферганской долины и других областей Средней Азии. По своей конфигурации и размерам Эйлатан отличается от городищ Ферганы как древнего, так и средневекового периодов. Для поселений первого периода характерны значительно меньшие размеры. Так, например, самое крупное городище древнего периода — Шурабашат имеет площадь около 70 га, Мархамат — 38 га. Наиболее типичные размеры поселений древнего периода — 10—20 га. Эйлатан отличен от этих поселений также своей конфигурацией, отсутствием цитадели и небольшой толщиной культурного слоя. Он не имеет сходства и со средневековыми поселениями, с их сплошной застройкой всей площади, разделением на шахристан и рабад. Следует, однако, отметить, что некоторые средневековые поселения по размерам близки к площади Эйлатанского городища или даже превышают ее.

В Средней Азии известно только одно крупное поселение, близкое по времени Эйлата́нскому, с двойной линией стен — это городище Ер-Курга́н в Каршинском оазисе, площадью в 150 га⁶. Однако этот памятник отличается от Эйлата́на наличием цитадели и сплошной застройкой всей площади.

Сравнение Эйлата́на с другими памятниками Ферганы и соседних областей Средней Азии приводит автора этой статьи к заключению о возникновении оборонительных укреплений Эйлата́на, по-видимому, в период существования самого поселения, время которого устанавливается в результате изучения керамики⁷.

По этому вопросу Б. А. Латы́нин придерживается другой точки зрения. Он считает, что укрепления Эйлата́на сооружены позднее, по-видимому в VI—VIII вв. н. э. Единственное основание для такого предположения заключается в находках на городище грубой, очевидно, раннесредневековой керамики.

Однако нам не известно ни одного раннесредневекового и средневекового поселения в Средней Азии, которое имело бы аналогичную планировку. Никаких строительных остатков раннесредневекового периода в Эйлата́не не найдено. Количество керамики, которая может быть отнесена к VI—VIII вв., весьма незначительно. Она встречена в верхнем горизонте культурного слоя, вместе с крашеной керамикой и только на площади внутреннего городища. Таким образом, в VI—VIII вв. никакого увеличения заселенной площади на городище не произошло. Принимая во внимание все эти наблюдения, а также факт преобладания керамики древнего периода, можно с известным основанием считать, что поселение Эйлата́н является в основном однослойным и что укрепления Эйлата́на могут относиться только к периоду существования древнего поселения. В последующее время городище было заброшено и, по-видимому, только изредка использовалось для временного обитания людей.

В раскопе 1952 г., помимо керамики, которая составляет основную массу находок, найдено несколько разбитых зернотерок, обломков круглого каменного наворачия небольшого размера, каменный оселок и глиняное пряслице конической формы с выемкой на плоском конце (рис. 4). Посуда Эйлата́на представлена следующими четырьмя типами: 1) «архаическая» керамика (крашеные и расписные сосуды); 2) бытовые грубые сосуды без росписи; 3) кухонные, сероглиняные, с примесью известковых частиц; 4) тонкостенная посуда, покрытая желтовато-розовым ангобом, изготовленная на гончарном круге.

Вся керамика, за исключением посуды четвертого типа, изготовлена от руки.

Первый тип — крашеная лепная посуда (рис. 5). Масса ее пористая, серовато-оранжевого цвета, со следами растительной примеси. Поверхность сосуда заглажена и покрыта жидкой лиловато-красной обмазкой. Несмотря на это на ней видна густая сеть мельчайших трещинок. Преобладает монохромная окраска всего сосуда или только верхней его части. На некоторых обломках краска лучшего качества и яркого кармино-фиолетового цвета. На трех обломках имеется расписной орнамент буро-красноватой краской по лиловатому фону. Наиболее характерными формами являются круглодонные чаши с прямым, загнутым внутрь или слегка отогнутым краем (рис. 6). Для этих чаш очень характерна такая деталь, как украшение чаши по бортику полоской краски. Иногда встречается и вертикальная полоска (рис. 6, 2, 3, 7, 11; рис. 7, 9—12). Кругло-

⁶ С. К. Каба́нов. Археологические работы 1948 года в Каршинском оазисе. ТИИА АН УзССР, т. II, 1950, стр. 106—109, рис. 10.

⁷ Некоторое сходство городище Эйлата́н имеет также со скифскими городищами, такими как Немировское, Каменское, Бельское и другие, которые занимают огромную площадь, имеют двойную линию укреплений и включают большие незастроенные участки — загоны для скота.

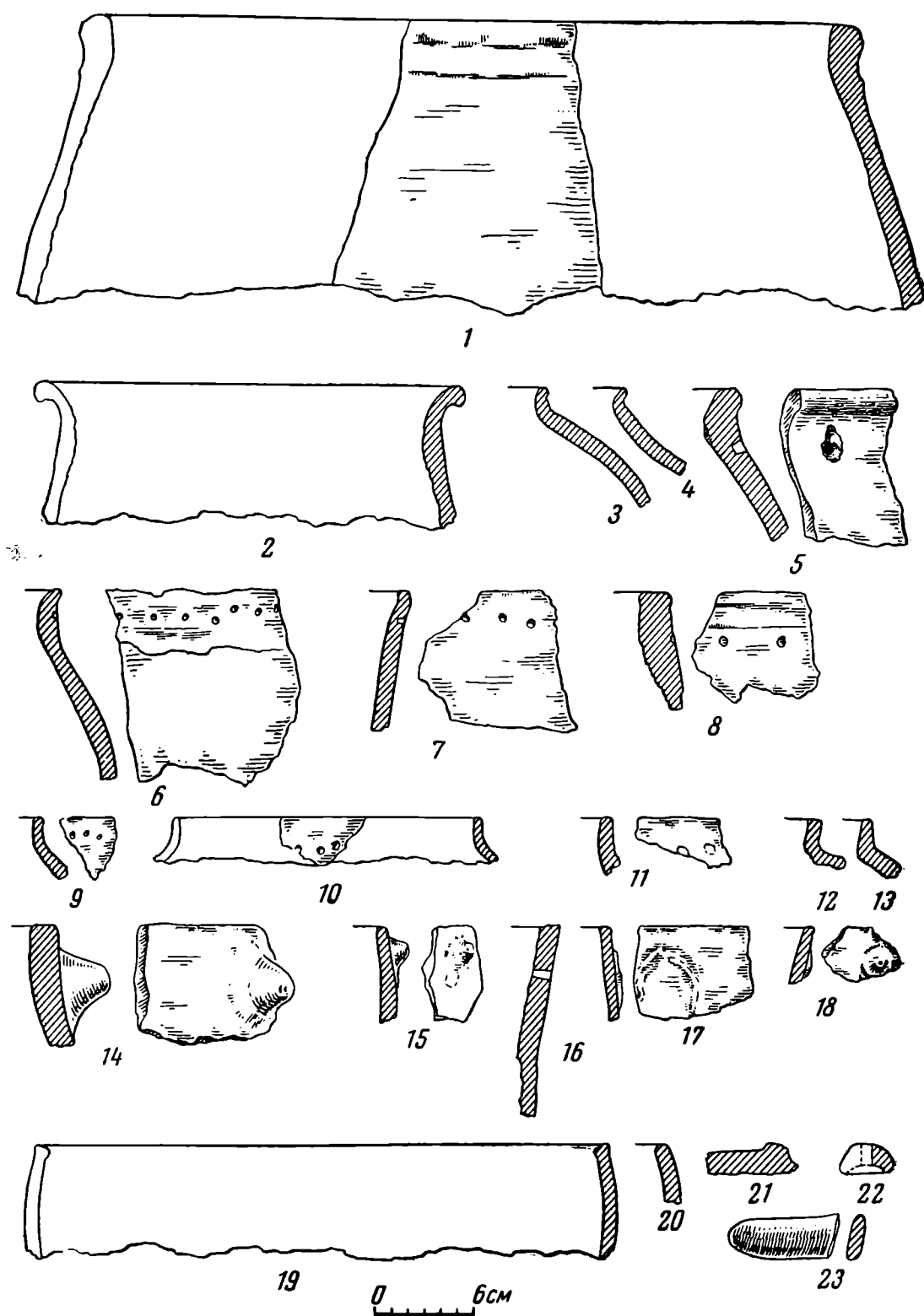

Рис. 4. Находки из раскопа 1952 г.

1—15, 19, 20 — бытовая посуда; 16—18, 21 — кухонная посуда; 22 — пряслице; 23 — каменный оселок

донные чаши формовались на матерчатом шаблоне, отпечатки которого мастер старательно замазывал, но они часто все же видны.

Отпечатки ткани встречаются также на внутренней поверхности сосудов с плоским дном. Эти находки снимают сомнения, высказанное в литературе относительно возможности изготовления плоскодонной посуды на матерчатом шаблоне. Отпечатки ткани обнаружены только на обломках эйлатанской керамики первого типа и никогда не встречаются на по-

суде других типов. В нашем материале представлены отпечатки разной ткани: более тонкого и более грубого переплетения. На матерчатом шаблоне изготавливали не только чаши небольшого размера, но и сосуды большого диаметра—0,4—0,5 м.

Помимо чаш, к посуде первого типа относятся небольшие кувшинчики, плоскодонные плошки и др.

Как мы уже указывали, расписная керамика представлена в данной группе всего тремя образцами. В материалах Б. А. Латынина расписная керамика отсутствовала.

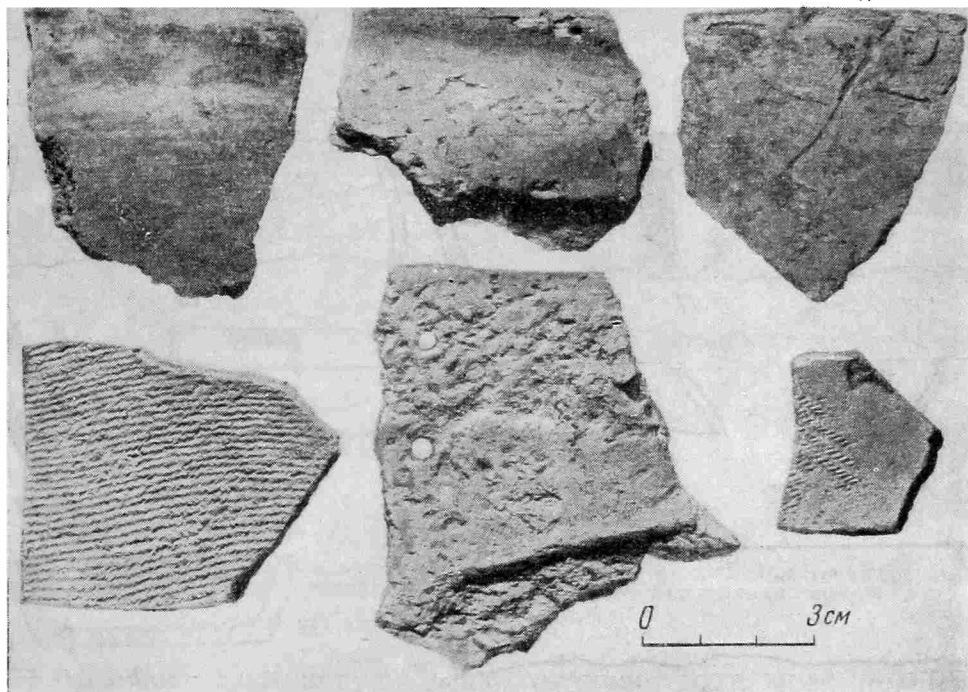

Рис. 5. Посуда первого типа. Фото

На одном фрагменте венчика небольшой чаши имеется орнамент в виде елочки. С внутренней стороны его по краю венчика проходит полоска краски (рис. 7, 7). От кубковидного сосуда сохранился фрагмент поддона, на котором видны остатки росписи (рис. 7, 1). Следы росписи прослеживаются еще на одном черепке (рис. 7, 8).

Особо отметим находку обломка подставки кубковидного сосуда, окрашенного полоской карминно-фиолетовой краски (рис. 7, 6). Посуда первого типа, по всей вероятности, представляла известную ценность для их хозяев. Разбитые сосуды не выбрасывали; на некоторых из них видны следы починки.

Второй тип посуды, условно названный бытовой, отличается по ряду признаков от первого (рис. 8). Посуда толстостенная, формовалась из глины, с большой примесью дресвы. Поверхность сосудов не заглажена, серовато-оранжевого цвета. К этому типу относятся большие корчаги с прямым туловом и слегка выделенной закраиной (диаметр горловины одной из корчаг равен 0,44 м; см. рис. 4, 1), кувшины с отогнутым венчиком (рис. 4, 2), горшки, глубокие миски, чаши и др. (рис. 4, 3, 16). Характерную особенность посуды этого типа составляет украшение по бортику круглыми ямками разной величины (рис. 4, 6—11), иногда довольно большими (рис. 4, 5). На сосудах этого типа часто встречаются наклепные ручки-выступы (рис. 4, 14—15), которые, очевидно, не имели утилитарного назначения. Чаши, относящиеся к этому типу, имеют значительно боль-

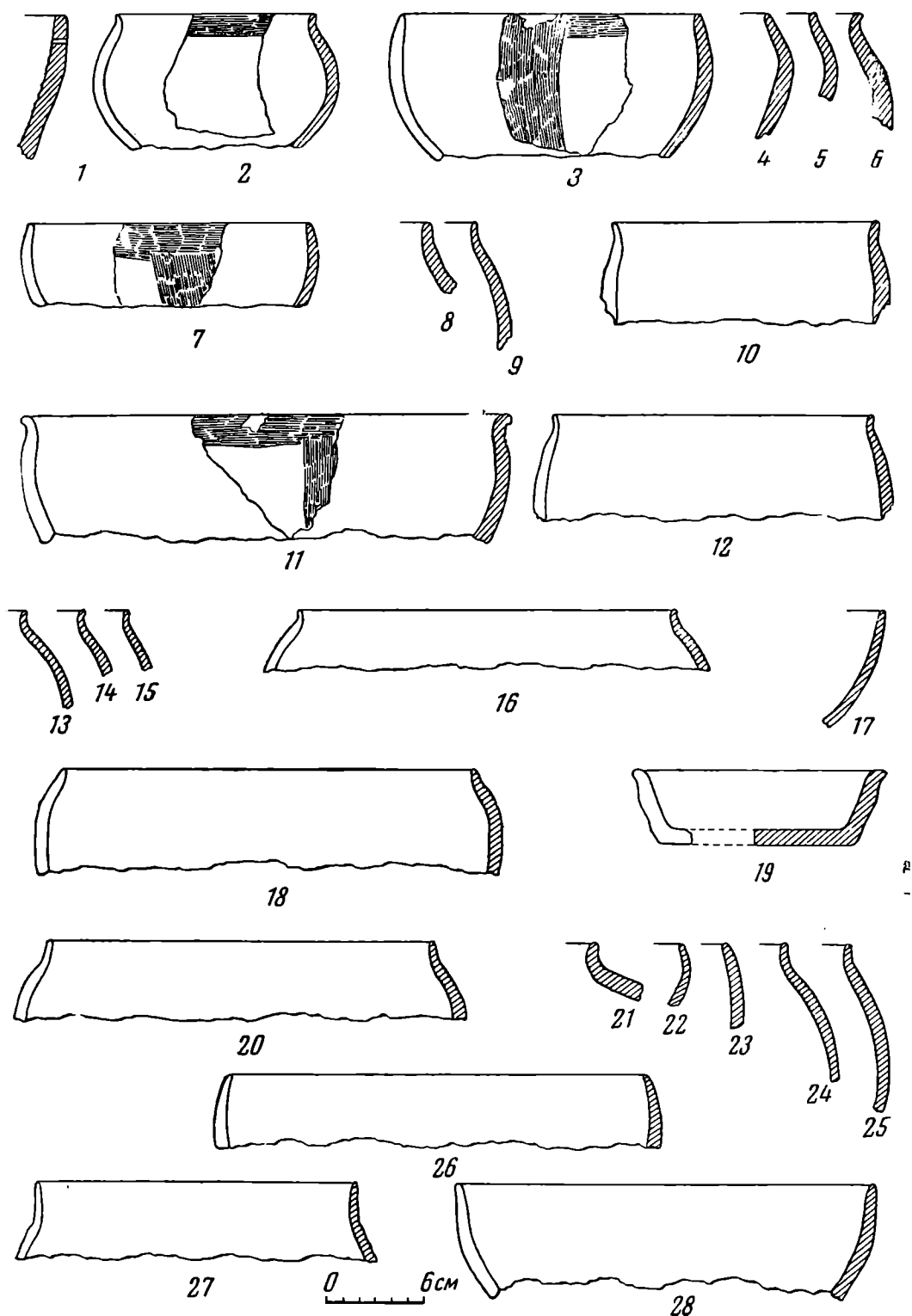

Рис. 6. Посуда первого типа

шие размеры — до 0,34 м в диаметре, края их загнуты внутрь и часто верх у них скошен (рис. 4, 19, 20).

Третий тип — сероглиняная посуда с большой примесью дресвы и толченого известняка, так называемая кухонная, отличается составом массы и цветом (рис. 9). Черепок в изломе рыхлый, обжиг слабый. Все обломки этой посуды, как правило, сильно закопчены. В раскопе керамики этого типа найдено очень мало. На одном из фрагментов сохранился налп в виде подковки (рис. 4, 17), на другом — круглая налпная ручка-выступ (рис. 4, 18)

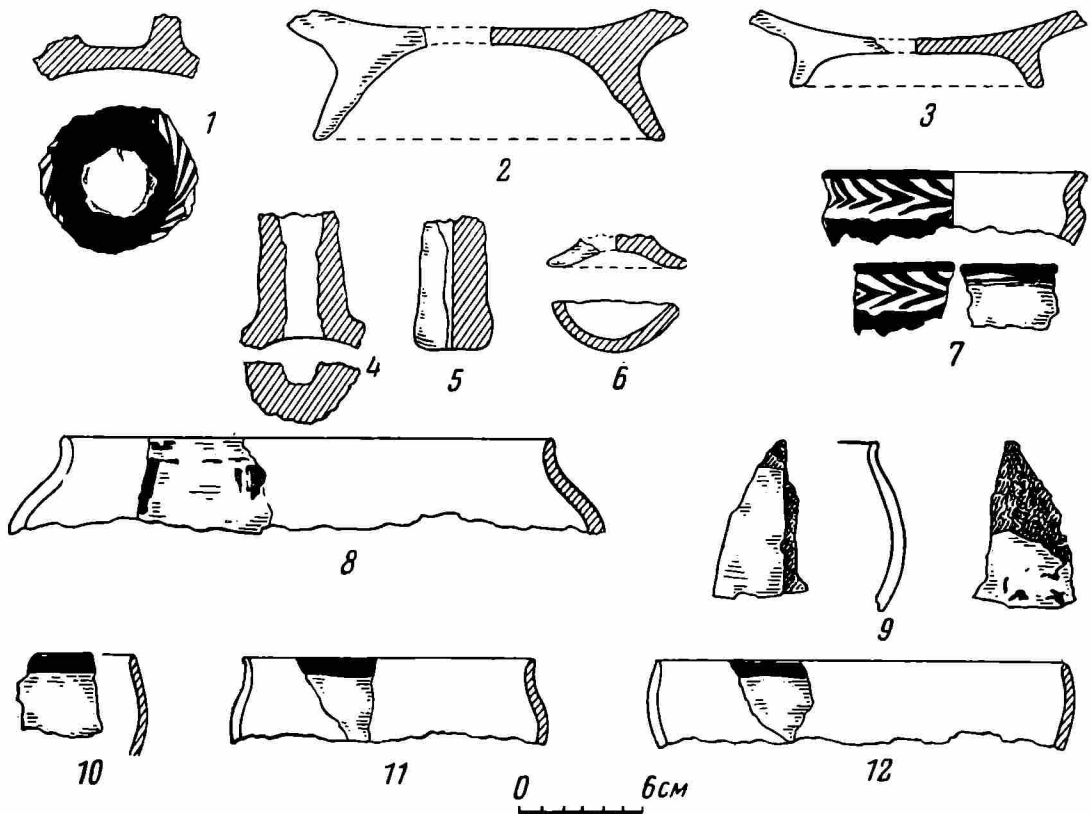

Рис. 7. Посуда первого типа

1, 7, 8 — с росписью; 2, 3 — фрагменты сосудов поддона; 4, 5 — полые подставки сосудов; 6 — фрагмент ножки кубковидного сосуда; 9—12 — окрашенная посуда

Четвертый тип посуды резко отличается от всей предыдущей (рис. 10). Эта посуда изготовлена из лёссовая глины на гончарном, по всей вероятности, ручном круге. Масса однородная, без примесей и хорошо обожжена. Сосуды тонкостенны и покрыты желтовато-розовым ангобом. Керамика этого типа представлена чашами разной профилировки и горшками двух размеров (рис. 11). На некоторых сосудах встречается налел-

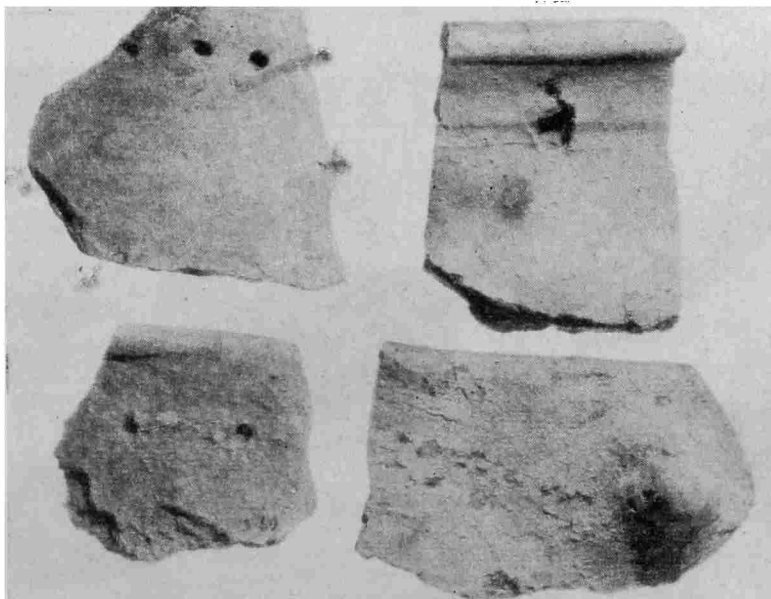

Рис. 8. Посуда второго типа

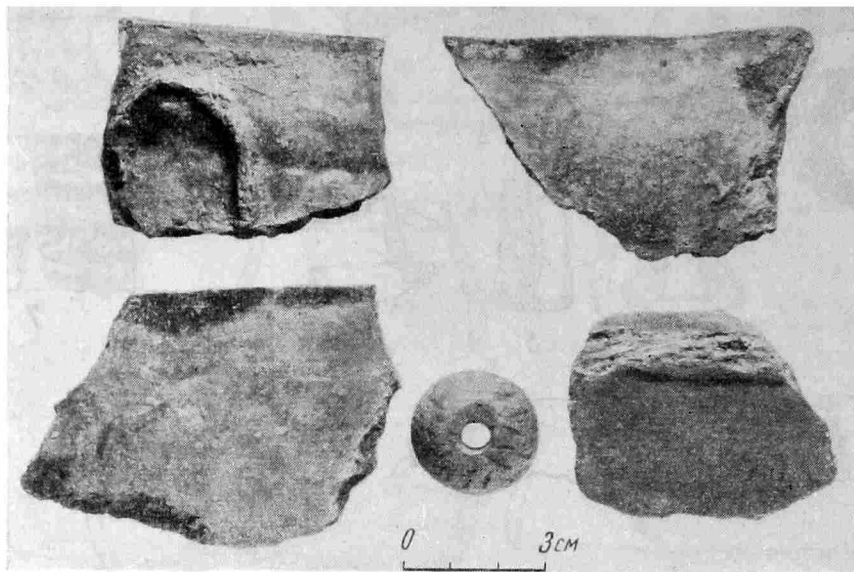

Рис. 9. Посуда третьего типа

ной валик в основании бортика, что составляет особенность этого типа посуды.

Форма дна у посуды Эйлатана разнообразна. Встречается посуда плоскодонная или с уплощенным дном, круглодонная, а также на поддоне с углублением в середине.

Значительную редкость представляют собой сосуды на высоком кольцевом поддоне, два образца которых найдены в 1952 г. (рис. 7, 2, 3). Наряду с кубковидными сосудами, окрашенными карминно-фиолетовой краской, в раскопе обнаружены две цилиндрические полые подставки от кубковидных сосудов других форм, без следов окраски (рис. 7, 4, 5).

Количественное соотношение керамики разных типов (в процентах) можно представить на основании проведенного автором разбора и подсчета материалов из раскопок 1934 г. Б. А. Латынина, как это показано ниже.

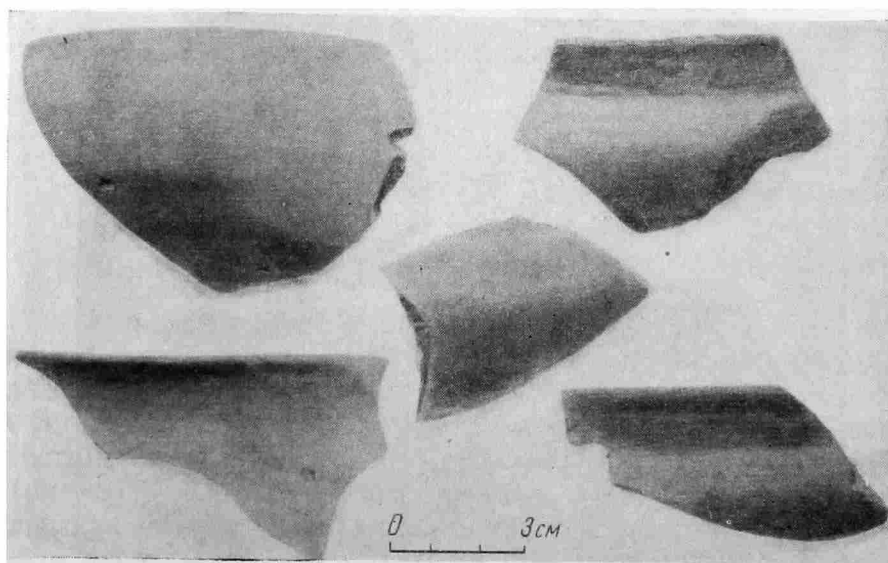

Рис. 10. Посуда четвертого типа

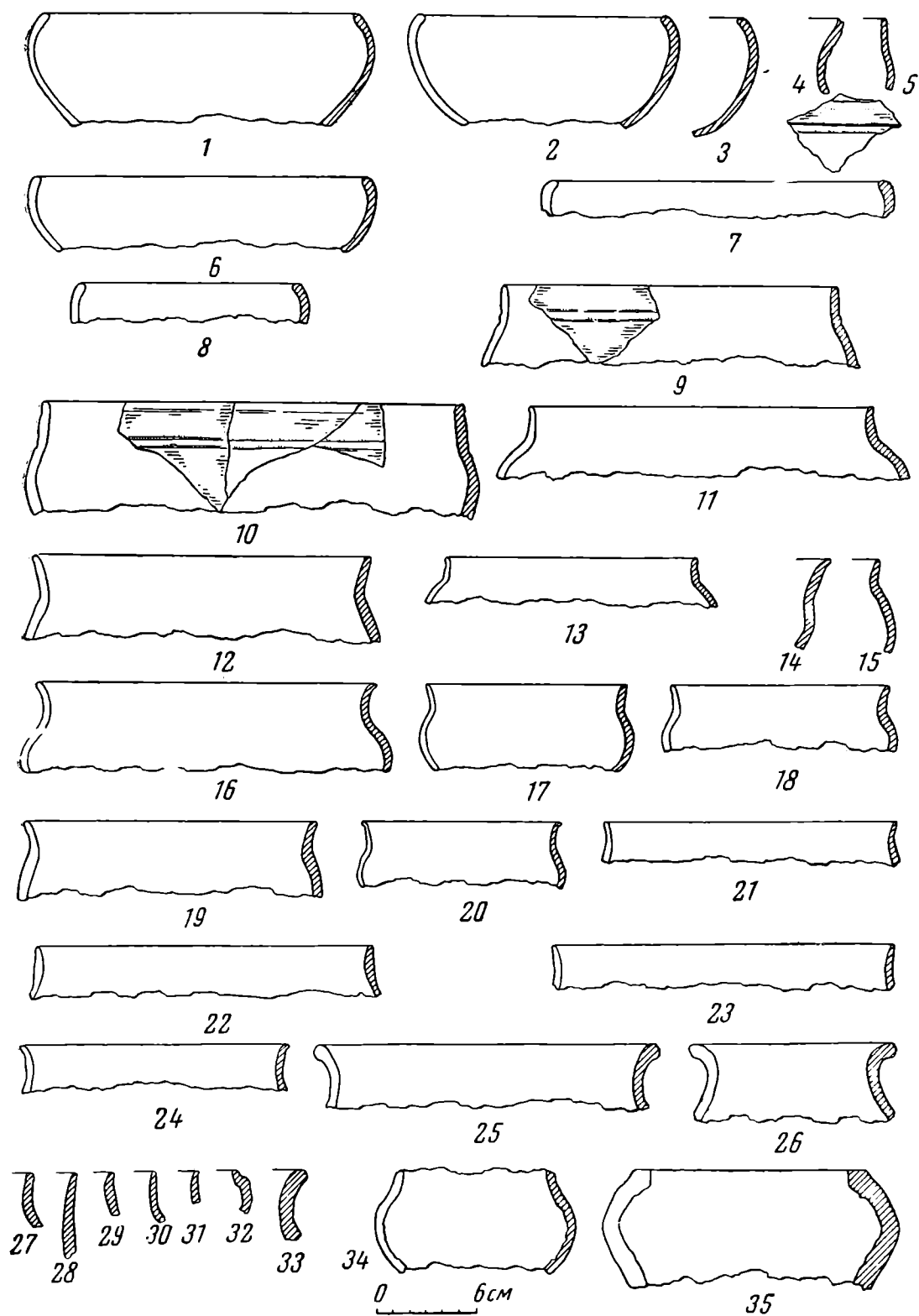

Рис. 11. Посуда четвертого типа

Тип керамики	Общее кол-во	Процент	В том числе в нижнем горизонте
I крашенная и расписная	590	45	73
II бытовая	125	9,4	5
III кухонная	7	0,5	2
IV гончарная	409	30,9	21
Неопределенные фрагменты	190	14	13
Итого	1321	99,8	114

Всего в 1934 г. на площади в 42 м² было собрано (по инвентарной описи) 1424 предмета, главным образом фрагментов посуды. Во время раскопок была взята почти вся керамика. Нами просмотрен 1321 фрагмент. Почти половину всех находок—45%—составляет керамика первого типа. В самом нижнем горизонте находки этой посуды преобладали. Следующее место по количеству фрагментов занимает посуда, изготовленная на гончарном круге, причем она встречена в большом количестве и в самом нижнем горизонте раскопа. Посуда остальных типов составляет примерно одну четвертую часть всех находок. Вызывает некоторое удивление небольшое количество кухонной посуды — всего 7 фрагментов.

Такое же количественное соотношение посуды разных типов отмечено и по материалам раскопок 1952 г. Из 2007 фрагментов керамики к I типу относится 824 (41,5%), к IV типу — 643 (32,3%). (Остальная керамика в 1952 г., во время раскопок, не была дифференцирована.)

При изучении керамики Эйлатана Б. А. Латынин все внимание сосредоточил на «архаической» крашеной посуде, сопоставляя ее с керамикой Анау I⁸. На этом основании Б. А. Латынин датировал всю керамику Эйлатана концом III—II тысячелетием до н. э. При этом он исключил из состава раннего комплекса Эйлатана «станковую» керамику, которая отнесена им к позднему времени. В результате раскопок 1952 г. установлено, что этот IV тип посуды составляет органическую часть керамического комплекса Эйлатана. Это существенно изменяло представление о всем облике и характере комплекса керамики Эйлатана.

Сопоставление керамики Эйлатана с другими известными материалами из ферганских памятников позволяет определить относительную и абсолютную датировку городища, а также место Эйлатана среди оседлых поселений Ферганы. В последние годы появились новые материалы, которые позволяют дать более точное представление о хронологии эйлатанской керамики, чем это было возможно в 1952—1954 гг.

Прежде всего необходимо отказаться от необоснованного сопоставления посуды Эйлатана с материалами культур Анау. Керамика Эйлатана по составу массы, характеру покрытия поверхности и по формам отличается от керамики Анау⁹.

Расписная посуда, три фрагмента которой впервые найдены в Эйлатане в 1952 г., также отличается от анауской по цвету и орнаментальным мотивам.

В настоящее время в Фергане хорошо известна керамика эпохи бронзы, которая имеет некоторое формально-типологическое сходство с керамикой культуры Анау I.

Эйлатанский комплекс керамики резко отличается от состава керамики чустской культуры. В керамике последней посуда II и IV типов Эйла-

⁸ Б. А. Латынин. Работы в районе проектируемой электростанции..., стр. 141.

⁹ В. М. Массон. Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б. А. Куфтина. Тр. ЮТАКЭ, т. VII, 1956.

танского городища не представлена. В свою очередь, наиболее типичная для Чуста посуда с красной облицовкой отсутствует в Эйлатане так же, как отсутствует типичная для Чуста посуда, расписанная черной краской по красному фону. Такая деталь, как наличие темных пятен на поверхности, получившихся в результате неровного обжига керамики чустской культуры, никогда не встречается в Эйлатане. Формы сосудов Чуста совсем иные ¹⁰.

Вместе с тем посуда Эйлатана имеет некоторое сходство с чустской керамикой в способе изготовления посуды на матерчатом шаблоне и в фактуре посуды I типа. В Эйлатане встречаются открытые полусферические чаши, покрытые буро-красноватой облицовкой, сходные с чашами Чуста и Дальверзинского поселения. На памятниках обеих групп известны сосуды с налепными ручками-выступами. Можно отметить общее сходство кухонной посуды. Для этих памятников характерна посуда с плоским дном и на поддоне. Все это свидетельствует о близости и, возможно, о генетической связи эйлатанской керамики с чустской. Однако это сходство относительно. По существу сходство наблюдается только между одной группой керамики, а именно группой полусферических чаш. Это происходит за счет того, что в Чусте, по-видимому, имеются более поздние, пока что стратиграфически не выделенные материалы. Среди этих материалов и находит себе аналогии некоторая группа керамики Эйлатана.

Отличие в составе типов керамики, различие расписной керамики Эйлатана и Чуста позволяют утверждать разновременность этих комплексов. По-видимому, керамика Эйлатана генетически связана с поздним периодом чустской культуры и относится к более позднему времени. Наличие большого числа гончарной посуды в Эйлатане также свидетельствует о более поздней его дате.

Керамика эйлатанского типа обнаружена на ряде древних поселений и в погребальных памятниках Ферганской долины. Прежде всего отметим крашеную карминно-фиолетовой краской керамику, выявленную на городище Шурабашат ¹¹. По фактуре и характеру покрытия поверхности, а также по формам сосудов она очень близка посуде первого типа Эйлатана. Некоторые образцы керамики при сопоставлении невозможно различить. В 1956 г. на Шурабашате в нижнем слое раскопа IV на III (восточном) городище найдено около двух десятков черепков тонкостенной посуды, изготовленной на гончарном круге и покрытой беловатым и розоватым ангобом. Посуда этого типа представлена горшками и открытыми чашами с отогнутым бортиком и налепным валиком. Эти находки тождественны посуде IV типа Эйлатана и гончарной посуде Актамского могильника, на чем подробнее остановимся ниже. Здесь только отметим, что в Актаме гончарная посуда сосуществует со своеобразной расписной керамикой. Последнее обстоятельство представляется важным в том отношении, что позволяет выделить в Шурабашате группу расписной керамики, сходную с актамской. Эта расписная керамика отличается от типичной шурабашатской и является, по-видимому, более ранней в Шурабашате.

Наблюдается также сходство других типов керамики Эйлатана и Шурабашата. Там и здесь известна грубая бытовая посуда с налепными ручками-выступами (II тип керамики Эйлатана; рис. 8) и встречаются одинаковые их формы. Некоторое сходство имеет и кухонная посуда этих памятников. Для обоих поселений характерно наличие расписной керамики и повторяется даже такая деталь, как украшение закраины чаш с внутренней стороны узкой полосой краски.

¹⁰ В. И. Спришевский. Чустская стоянка эпохи бронзы. СЭ, 1954, № 3; его же. Чустское поселение эпохи бронзы. КСИИМК, вып. 69, 1957; Ю. А. Заднепровский. Дальверзинское селище. КСИИМК, вып. 69.

¹¹ Ю. А. Заднепровский. Археологические работы в Южной Киргизии. КСИЭ, вып. XXVI, 1957, стр. 76—79; его же. Городище Шурабашат. КСИИМК, вып. 71, 1958; его же. Археологические работы в Южной Киргизии в 1956 г. КСИИМК, вып. 76, 1959.

На обоих поселениях был распространен прием изготовления сосудов на матерчатом шаблоне. В Шурабашате он обнаруживается реже, так как отпечатки ткани на сосуде замазаны. Наряду с круглодонной и плоскодонной посудой на обоих памятниках известны сосуды на дисковидном и даже на высоком кольцевом поддоне.

В Шурабашате, следовательно, выделяется группа керамики, которая имеет полное сходство с посудой Эйлатанского городища и Ак-Тамского могильника. Она встречена в слое среди керамики, характерной для Шурабашатского городища и стратиграфически не может быть выделена. Однако сопоставление комплексов керамики Эйлатана и Шурабашата в целом позволяет определить относительную их хронологию. Эйлатанская керамика, несомненно, предшествует керамике Шурабашата. Можно установить преемственность развития от эйлатанской к шурабашатской керамике. Однако это касается только определенной группы, а не всего керамического комплекса в целом, который у обоих поселений различен. Основное отличие состоит в том, что в Шурабашате расписная и крашеная керамика встречается вместе с красноангобированной, относящейся к более позднему времени. В небольшом количестве на Шурабашате представлена типичная для Ферганы керамика с красным ангобом и процарапанным орнаментом. В Эйлатане крашеная керамика сосуществует с гончарной посудой совсем иного типа. Расписная керамика Шурабашата многочисленней и достигает большого разнообразия и совершенства, в то время как в Эйлатане она представлена единичными образцами, и на городище господствует более грубая и худшего качества, монохромно окрашенная керамика. Сопоставление керамических комплексов Эйлатана и Шурабашата позволяет сделать заключение о развитии и усовершенствовании в Шурабашате традиций, характерных для керамического производства эйлатанского периода.

Для определения относительной хронологии Эйлатана важное значение имеют стратиграфические наблюдения Б. А. Латынина над залеганием слоев с керамикой эйлатанского типа и красноангобированной на тепе у ст. Кугай в Уч-Курганской степи. В нижнем слое раскопа находилась преимущественно керамика эйлатанского типа. В верхнем слое открыто здание, относящееся к периоду красноангобированной керамики. Вместе с нею здесь был найден железный трехлопастной наконечник стрелы с длинным черешком, который может быть датирован II—IV вв. н. э.

Аналогичное наблюдение сделано автором этой статьи в 1947 г. при зачистке Безыменного тепе на одиннадцатом километре дороги Ош — Карасу. В нижних слоях его обнаружена крашеная керамика, сходная с эйлатанской. В верхних слоях преобладала красноангобированная керамика. Здесь же оказался обломок железного трехгранного наконечника стрелы с черешком.

Аналогичная картина прослежена еще на одном памятнике — на Сым-Тепе, расположенном в центре городского парка г. Ферганы. Раскопки, проведенные в 1957 г. Ферганским краеведческим музеем, выявили следующую последовательность культурных слоев. В нижнем слое шурфа, отделенном строительными остатками от вышележащего слоя, находилась преимущественно тонкостенная керамика с беловатым и розовым ангобом, идентичная гончарной посуде Актамского могильника и посуде IV типа Эйлатана. Во втором слое обнаружена красноангобированная керамика, типичная для памятников Ферганы последних веков до нашей эры и первых веков нашей эры. Из верхнего слоя происходит средневековая керамика. Работы на Сым-Тепе выявили хронологическую последовательность залегания слоев с гончарной керамикой эйлатанского типа и красноангобированной. По сообщению Н. Г. Горбуновой¹², из 592 найденных в раскопе фрагментов 109 относятся к гончарной посуде, в том

¹² Данные о раскопках на Сым-Тепе были приведены в докладе Н. Г. Горбуновой на пленуме ЛОИИМК в 1958 г.

числе 87 фрагментов происходят из нижнего слоя шурфа. Однако расписная керамика, сопутствующая в Эйлатане гончарной, на Сым-Тепе не обнаружена. Гончарная керамика Сым-Тепе тождественна также аналогичной керамике Шурабашата. Таким образом, на Сым-Тепе гончарная керамика эйлатанского типа стратиграфически предшествует красноангобированной керамике.

Сравнительное изучение комплексов керамики Эйлатана, Чуста и Шурабашата позволяет установить относительную датировку Эйлатана и наметить определенную последовательность развития керамики Ферганы.

Сопоставление Эйлатана с Чустом позволяет определить нижнюю границу существования городища Эйлатан, которая не может быть раньше первой четверти I тысячелетия до н. э. Сопоставление с Шурабашатом, Кугаем и Сым-Тепе дает верхнюю границу хронологии Эйлатана — последние века до нашей эры. Время существования Эйлатанского городища, таким образом, приходится примерно на середину I тысячелетия до н. э. Эта датировка подтверждается и другими материалами.

Так, в 1952 г. в одном из курганов сакского времени в могильнике Шарт II в Алайской долине во время работ экспедиции А. Н. Бернштама¹³ была найдена расписная чаша, близкая эйлатанской керамике, вместе с двумя бронзовыми наконечниками стрел. На основании анализа формы наконечников стрел А. Н. Бернштам датировал этот курган V—III вв. до н. э. К этому же времени следовало, очевидно, отнести расписную чашу могильника Шарт II¹⁴. Сопоставление эйлатанской керамики с чашей из могильника Шарт II и с керамикой из курганов, изученных экспедицией А. Н. Бернштама в Чакмаке, Тюлекене¹⁵, а также с посудой из погребений, открытых в двух пунктах на трассе Северного Ферганского канала Т. Г. Оболдуевой¹⁶, позволило в 1952—1954 гг. датировать эйлатанскую керамику серединой I тысячелетия до н. э., точнее — VII—IV вв. до н. э.¹⁷

Новые материалы, появившиеся в последние годы, подкрепляют предложенную в 1952—1954 гг. датировку Эйлатана. В этом отношении важное значение имело открытие и раскопки Ак-Тамского могильника в 1954—1955 гг.¹⁸ Керамика Ак-Тама представлена как лепной, так и гончарной посудой. По ряду признаков (способ изготовления, применение матерчатого шаблона, окрашивание поверхности и формы посуды — преобладание чаш и мисок и др.) лепная посуда Ак-Тама сходна с посудой первого типа Эйлатана. Однако формы крашеной керамики, так же как и профилировки сосудов Эйлатана, более разнообразны. В Эйлатане наряду с чашами, края которых загнуты внутрь, известны чаши с отогнутыми краями, а также кубковидные сосуды и др. Фрагментарность и малочисленность материалов Эйлатана затрудняет сопоставление с ними расписной керамики Ак-Тама. Однако гончарная посуда Ак-Тама

¹³ Материалы этой экспедиции не опубликованы. Вещи хранятся в Ошском областном музее.

¹⁴ С открытием Ак-Тамского могильника сопоставление расписной чаши Шарт II с эйлатанской керамикой было окончательно доказано. Чаша могильника Шарт II почти идентична расписной посуде, найденной в Ак-Тамском могильнике, керамика которого в свою очередь очень близка эйлатанской.

¹⁵ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, № 26, 1952.

¹⁶ Т. Г. Оболдуева. Археологические наблюдения на Северном Ферганском канале. Изв. УзФАН СССР, 1940, № 10.

¹⁷ Ю. А. Заднепровский. Древняя Фергана. Автореферат, стр. 8, 18. Б. А. Латынин под влиянием нашей работы в своем отзыве на диссертационную работу и в последующих статьях полностью согласился с предложенной хронологией эйлатанской керамики. См. Б. А. Латынин. Вопросы истории ирригации древней Ферганы. КСИИМК, вып. 64, 1956, стр. 17.

¹⁸ Б. З. Гамбург, Н. Г. Горбунова. Ак-Тамский могильник, КСИИМК, вып. 69.

и посуда IV типа Эйлатана совершенно сходны. В обоих памятниках встречаются одинаковые формы посуды¹⁹; горшки двух размеров, открытые чаши, узкогорлый кувшин. Повторяется даже такая деталь, как напленной валик у основания бортика сосуда (рис. 9). Вместе с тем, судя по венчикам найденных в Эйлатане сосудов, посуда, сделанная на гончарном круге, здесь более разнообразна, чем в Ак-Таме. Проведенное сравнение приводит к следующим выводам: во-первых, о полном сходстве двух основных типов — лепной, крашеной и гончарной посуды Эйлатана и Ак-Тамы, во-вторых, о большем разнообразии комплекса керамики Эйлатана, в-третьих, об однородности керамики Ак-Тамы, что, возможно, объясняется требованиями погребального ритуала. В Ак-Тамском могильнике вместе с рассмотренной керамикой найдены железные ножи, кольца и браслеты, булавки, бронзовые наконечники стрел, подвески, а также поделки из кости и камня. На основании всего комплекса находок могильник Ак-Там датируется V—III вв. до н. э.²⁰

Могильник Ак-Там не единственный памятник этого типа и времени. Другой, аналогичный Ак-Тамскому могильник исследован В. И. Козенковой, сотрудником Андижанского областного музея возле сел. Нияз-Батыр²¹.

Так, еще в 1940 г. были обнаружены отдельные погребения, содержавшие керамику, сходную с эйлатанской. Они были открыты в двух пунктах на трассе Северного Ферганского канала. В первом пункте, на западной окраине городища у сел. Касканьяр (Чек) на правом берегу Нарына в погребениях найдено несколько полусферических чаш с вогнутыми краями, покрытых буро-красной обмазкой. На некоторых чашах, как отмечает Т. Г. Оболдуева, имеются полужатертые отпечатки ткани. Еще одна аналогичная чаша оказалась в погребении у сел. Найманча. Эти чаши Т. Г. Оболдуева²² на основании сходства с усуньской керамикой датировала III—II вв. до н. э. Эти находки расширяют круг погребальных памятников, содержащих керамику эйлатанского типа. Ак-Тамский и другие аналогичные могильники, зарегистрированные Н. Г. Горбуновой в Ферганской области, так же как и могильник Нияз-Батыр, расположены в южной части Ферганы. Погребения, открытые на канале, располагаются в северной ее части. Возле самого городища Эйлатан гидрогеологом И. А. Анбоевым еще в 20-х годах XX в. была найдена расписная чаша, ныне хранящаяся в Гос. Эрмитаже. Она происходит, по всей вероятности, также из погребения.

Количество известных памятников эйлатанской культуры значительно увеличилось в результате археологических работ последних лет.

Все рассматриваемые памятники располагаются в основном в восточной части Ферганской долины, к востоку от меридиана Маргелан — Наманган. Расстояние между Эйлатаном и Сым-Тепе в г. Фергане равняется приблизительно 80 км, от Эйлатана до Шурабашата насчитывается по прямой около 100 км. Территория, занимаемая памятниками с керамикой эйлатанского типа, довольно обширна. Размеры ее: с севера на юг — около 100 км, а с запада на восток — около 150 км.

Изучение археологических материалов Ферганской долины, происходящих как из поселений, так и из могильников, позволило автору еще в 1954 г., в диссертационной работе, выделить особую эйлатанскую культуру. Результаты археологических работ последних лет подтвердили правильность выделения этой культуры.

¹⁹ Б. З. Гамбург, Н. Г. Горбунова. Ак-Тамский могильник, рис. 30, 20, 21 и 23 а, б, 14—18, 29, 22.

²⁰ Там же, стр. 88.

²¹ Археологические работы музеев в СССР за 1955—1956 гг. СА, 1957, № 4, стр. 295. Сообщение В. И. Козенковой.

²² Т. Г. Оболдуева. Археологические наблюдения на Северном Ферганском канале. Изв. УзФАН СССР, 1940, № 10, стр. 30. К сожалению, особенности работ на трассе СФК не позволили определить характер могилы и погребального ритуала.

Памятники эйлатанской культуры были, по всей вероятности, распространены в Ферганской долине в VII—IV вв. до н. э. значительно шире, чем это сейчас нам известно. В этой связи особый интерес представляет находка двух небольших горшочков с расписным орнаментом в нижних слоях городища Мунчак-Тепе у Беговата в западной части Ферганской долины во время работ Фархадской археологической экспедиции 1943—1944 гг.²³ По фактуре и характеру росписи они могут быть сопоставлены с эйлатано-шурабашатской керамикой. Можно надеяться, что дальнейшее накопление материалов в западной части Ферганы позволит окончательно определить сходство или отличие этих находок от расписной керамики Эйлатана — Шурабашата. Однако сам факт обнаружения сосудов с росписью в нижних слоях Мунчак-Тепе, относящихся к периоду до нашей эры (точнее дата не установлена), заставляет предполагать распространение во второй половине I тысячелетия до н. э. расписной керамики и в Западной Фергане.

На основании сопоставления всех известных для древней Ферганы керамических комплексов, изучения поселений и стратиграфических наблюдений устанавливаются следующие последовательные этапы развития керамики и оседлых поселений Ферганы: 1 — чустский, 2 — эйлатанский, 3 — шурабашатский.

Эта последовательность является вместе с тем и основой историко-археологической периодизации культуры Ферганы древнего периода. Длительное и устойчивое развитие культуры расписной керамики с эпохи бронзы, со времени чустской культуры до периода Шурабашата и в более позднее время составляет особенность исторического развития Ферганы.

Памятники эйлатанской культуры хронологически соответствуют времени обитания в Фергане племен париканиев, которые упомянуты в труде Геродота (III — 92, 94; VI — 68; VII — 86) и его предшественника Гекатея.

В свете сказанного становится понятным большое значение городища Эйлатан — одного из ключевых памятников для решения проблемы периодизации истории культуры Ферганы и для характеристики ранних этапов истории населения Ферганской долины.

²³ Находки не опубликованы. Экспонированы на выставке Средней Азии в Гос. Эрмитаже.